

Светлана Шкляева

*Алые зори
Егора
Романова*

Светлана Шкляева
Алые зори Егора Романова

«Издательские решения»

Шкляева С.

Алые зори Егора Романова / С. Шкляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902866-2

Роман написан по тревожным событиям перестроечного периода, затрагивая две чеченские компании. Герой романа, простой русский парень, попадая в сложные ситуации, не теряет присутствие духа. Он с честью преодолевает все невзгоды и помогает всем, кто нуждается в его поддержке.

ISBN 978-5-44-902866-2

© Шкляева С.
© Издательские решения

Алые зори Егора Романова

Светлана Шкляева

© Светлана Шкляева, 2018

ISBN 978-5-4490-2866-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

На берегу деревенской речки Малиновки, на лавке, притулившейся к березам двойняшкам, сидели двое мужчин и спорили:

– Я ведь тебя не спрашиваю, какой ты, – возмутился полноватый, розовощекий Андрюха Грицко, – я спрашиваю: ты кто?

– Я русский – ответил ему молодой, светловолосый, широкий в плечах парень по имени Егор, с виду – прямо богатырь из русских сказок.

– Вот балда. Ну, я, к примеру, украинских корней, вот тот поляк, а тот немец, – указывая на стоящих неподалеку мужиков, горячился Андрюха. – Чувствуешь? Есть еще на свете англичане, французы, чехи, румыны и т. д. Кто? Что? – имя существительное. А русский – это прилагательное, – нравоучительно констатировал он высоким бабьим голосом, тыча в грудь Егору толстым пальцем, похожим на сосиску.

– Сам ты прилагательное, – пробасил Егор.

– Ну, посуди сам, я же на вопрос кто ты, не отвечаю – я украинский. И никто из других национальностей на всем белом свете не называет себя прилагательным, только вы, русские, продолжал Андрюха.

– Много ты понимаешь, – возразил Егор – когда отвечают, я русский, всегда рядом подразумевается слово человек. Уразумел? Русский человек!

– А мы значит не человеки, если не называемся польскими или украинскими? – съехидничал Андрюха.

– В старину, когда мы были отдельными племенами: вятичами, кривичами, древлянами, полянами и прочими, мы так и представлялись: я вятич, я древлянин, я северянин. Одному племени было трудно обороняться от набегов противников, и славянские племена, говорящие на родственных языках, объединились в большое сообщество для помощи друг другу. Они стали называть себя русичами, русскими людьми. Объединившись, мы стали неизмеримо большим и сильным народом, чем какое-то отдельное племя. Когда чужаки спрашивали нас, кто вы люди? Мы отвечали, что мы русские люди. Со временем слово люди перестали употреблять для краткости, но оно всегда имелось в виду – выдал длинную тираду Егор.

– А почему это русские, а не вятские или древлянские? – любопытствовал Андрюха.

– Этого я точно не знаю, – ответил Егор, – версий и догадок много. Родственных и похожих слов в русском языке немало. Например, роса, река Рось, русый, так как русские люди в основном были русоволосыми, наконец, племя Русины. Может быть от имени князя какого. Да разве сейчас найдешь концы, откуда взялось это название.

В большой, по деревенским меркам, Михайловке, которая по размерам вполне могла сойти за село, Егор слыл грамотеем. Он окончил среднюю школу с отличием, но в институт поступать не стал. Семья большая, матери надо помогать, одна не поднимет младших братьев и сестер. До труда и науки Егор был охотник, в его руках спорилось все, за что ни возьмется. Быстро овладел вождением трактора, комбайна и добросовестно трудился на родных колхоз-

ных полях, пока не призвали в армию. Отслужив положенный срок, снова сел за руль трактора и пахал исправно до самого развала Советского союза. Колхоз «Путь к коммунизму» был ни бедным, ни богатым, так, средней руки, но себя кормил исправно, да и государству кое-что отгружал, картошку, например. Она охотно произрастала на колхозных полях в большом количестве. Хлебные поля тоже давали неплохой урожай. По осени, чтобы до заморозков успеть убрать картофель, из города приезжали студенты и рабочие предприятий. Колхозники часто пользовались этим обстоятельством. Пока горожане трудились на колхозных полях, сами колхозники трудились на своих придомовых огородах.

По пути к коммунизму, колхоз так и не дошел, хотя некоторые признаки этого призрачного коммунизма кое в чем проявлялись. В коммунизме не предполагались деньги. Вот и колхозники последние несколько месяцев в глаза их не видели. Кто не мог жить без труда, тот работал, кто не хотел, тот не работал. Ведь какой лозунг изначально был провозглашен в этом светлом недостижимом будущем: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». То есть, если даже у тебя нет абсолютно никаких способностей, ни к науке, ни к работе, а потребности о-го-го какие, то ты получишь все, что захочешь, за счет тех, кто в силу своих недюжинных способностей, создает блага. Гуманно. Но не надорвутся ли и не обидятся ли способные, волоча за собой воз бесполезных бездельников? Слава богу этот лозунг не воплотился в жизнь, да и авторы, спохватившись, подправили текст. Он зазвучал так: «От каждого – по способностям, каждому – по труду». Колхоз развалился вместе с Советским союзом, и «способным» стало незачем волноваться. Страна, оставив свою утопическую мечту о светлом коммунистическом рае, сломя голову, окунулась в дикий капитализм со всеми его прелестями. Ловкачи разного рода прибирали к рукам народное достояние. Бывшие колхозники на первых порах пребывали в растерянности. Как дальше жить? С чего начинать этот капитализм? Первым опомнился бывший председатель колхоза. Он кое-как собрал собрание бывших колхозников и попытался уговорить народ вернуться на свои рабочие места, хотя бы временно: доярок к своим коровам, полеводов в поля. Народ не соглашался работать задарма.

– Я что ли вам Изаура какая батрачить от зари до зари бесплатно! – живописно жестикулируя крупными жилистыми руками, зычно кричала высокая, широкоплечая Настюха, насмотревшись мыльных зарубежных сериалов. Мужики вокруг дружно загоготали:

– Сравнила тоже, где Изаура, а где ты. Изаура тростиночка, а ты Илья Муромец в юбке.

– Как дам по башке, морда конопатая! Насмехается еще, – пригрозила Настюха рыжему пареньку, стоявшему рядом. Настюха страдала от своей дородности. Мать с отцом на голову ниже ее да и комплекцией поизящнее.

– И в кого я такая дылда уродилась? – спрашивала она у родителей.

– В батюшку мово, – отвечала мать, – могучий был, одни только ручищи чего стоили, подковы гнул. Из-за этой могучести деревенские женихи обходили Настюху стороной, опасаясь ее тяжелой руки. Рыжий паренек предусмотрительно отодвинулся от могучей соседки.

– Нет, правда, Семеныч, какой нам резон гнуть спины задаром? – обратился к председателю Егор, дотоле молча стоявший немного в стороне от толпы.

– Егор, ты же разумный человек, – обратился к нему председатель, – если мы не будем пахать, сеять, косить, доить коров, с чего жить будем? Со своих огородов немного нажируете. Не заготовим сена, стадо сгубим. Стадо сгубим, без молока, мяса и масла останемся. А хлеб нынче, какой уродился, мы его оставим пропадать на корню? Что ж вы себе враги что ли? Давайте по осени урожай соберем, хлеб, картошку, разделим по домам. Излишки продадим. Кое-какие деньги получим, а зимой подумаем, как нам поделить землю, технику, остальные угоды. Закон о частной собственности на землю сейчас обсуждается в правительстве. К весне, может, все прояснится, и тогда вперед, каждый сам по себе! А сейчас мужики и бабоньки – за работу, есть-то надо каждый день. Председатель умолк, ожидая ответа селян, нервно теребя в руках потрепанную кепку.

– А как землю делить будем, по едокам или по работникам? – выкрикнул кто-то из толпы.
– Давайте не будем бежать впереди паровоза, – остудил вопрошающего председатель. – Закон выйдет, по нему и будем делить. Собрание еще погудело с полчаса и стало не спеша расходиться. – То, силком сгоняли в колхозы, теперь распустили. Иди куда хошь. Делай что хошь. Мечемся туда-сюда. А чего мечемся? – ворчали старики между собой.

Глава 2

Солнце уже садилось в туманную дымку над темно-синей полосой леса. До какого-то момента зарево заката разгоралось все ярче и ярче до немыслимо жарких красок, затем понемногу стало остывать. И вот уже июльский прохладный, томный вечер окутал сизой дымкой окрестности. Окна деревенских домов затеплились огнями. По дворам спешили закончить дела по хозяйству: доили коров, закрывали в курятниках кур, уток и гусей на ночь. В этом году лис развелось, не закроешь птицу, тут же на утро лишь пух да перья останутся. Даже в запертые курятники умудрялись забираться. Мужики капканы собрались ставить.

Егор сидел на лавке у дома, глядел на раннюю, яркую, одинокую звезду на еще не почерневшем небе и думал: – Какая яркая звезда! А я ведь даже не знаю, как ее звать. Стыдно. Каждый вечер я смотрю на нее, а она на меня. Завтра же спрошу у Александра Николаевича, что это за звезда? Александр Николаевич сельский учитель, умный, начитанный, много чего знает. Егор часто обращался к нему по разным вопросам и получал вразумительный ответ. – Надо больше читать – решил он для себя, а то уже приходится у Бориски, младшего брата, кое о чем спрашивать. Неловко как-то. Это я должен быть примером для младших, а не они для меня.

Егор был правильным человеком во всех смыслах: не пьянствовал, не курил, много работал. Отец умер, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет, и вся мужская работа пала на его плечи. По сути, он стал главой семьи. Мать жалела его. Лучшие куски приберегала для него. Кормилец, следует беречь и уважать. Учила младших двух братьев и двух сестер почитать старшего брата. Возможно все это и послужило раннему остепенению Егора. В свои двадцать семь, ему казалось, что он живет уже давным-давно. Деревенские женщины завидовали Марье, говорили, что ей повезло с сыном, он не то, что остальные деревенские обормоты. А Марья и не отрицала, поддакивала и молилась тайком, отводя от сына сглаз собственными заговорами. Тревожилась мать не зря. Рослый, сильный, симпатичный, умный парень присушил не одну деревенскую девицу. – Женится, заживет своим домом, и она останется наедине со своими проблемами. Правда Бориска с Толькой уже подросли и девчонки помогают, но все равно старший сын для Марьи был опорой и авторитетом. – Имеет право, – думала она, – в возраст уже вошел. Но Егор не торопился с женитьбой, и не обнадежил еще ни одну девушку. На дискотеки в местный клуб, он не ходил. По вечерам, после работы, уединившись в своей крохотной каморке, читал, и не все подряд, а что советовал ему Александр Николаевич. – Всего не перечтешь, жизни не хватит, – поучал он Егора. – Жизнь одна и тратить ее надо с умом, не отвлекаясь на бесполезное чтение. Тяга к самообразованию жила в Егоре неистребимо. Учитель истории, литературы и по совместительству директор деревенский школы – все в одном флаконе по причине нехватки преподавателей, сумел пробудить в Егоре интерес к русской истории и русской литературе. Егор одолел «Войну и мир», которую не очень понимал, будучи школьником, а теперь, ему открылся целый мир. Он влюблялся, сражался и погибал вместе с героями толстовского романа. Прочитал Достоевского. Особенно его впечатлили его дневники. Прочитал он и произведения, ранее запретных авторов, которые были на слуху, например, Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Читал он и современных отечественных и зарубежных авторов, изучил всю историю дома Романовых, ведь у Егора была царская фамилия Романов. Нет, он не искал родственных связей с царским двором, просто хотел знать как можно больше о своей родине России. Откуда есть пошла Русь?

В редкие часы досуга Егор любил посидеть с удочкой на берегу лесного озера. Часто, устремив вдаль задумчивый взгляд, он забывал про поплавок и рыбу. Утренние и вечерние зори с алыми разливами, располагали к созерцанию. Совсем недалеко, за полосой леса, еще лежали остатки ковыльной степи, разбавленной небольшими перелесками и дубравами. Там у слияния Непрядвы и Дона произошло одно из величайших событий русского средневековья «Куликовская битва». Полки Дмитрия Донского перешли бродами Дон и ударили по войску Мамай. Этот маневр решил исход боя и дальнейшую судьбу России. Егор был на том поле, посетил храм в селе Монастырчино, построенный в честь павших на этом поле русских ратников. В Михайловке не сохранилось документальных сведений о том, что Дмитрий Донской останавливался у них на отдых, но слухи такие ходили, потому что деревня стояла на пути войска русского князя. Даже огромный, могучий, многовековой раскидистый дуб у озера, под которым не раз сиживал Егор, мог быть свидетелем тех славных событий. И Егор гордился тем, что родился и живет в этих местах, прославленных русской отвагой. А то, что в их деревне проживала смешанная русско-польская семья, немецкая и пара украинских семей, он относил как раз ко времени похода Дмитрия Донского. Как они оказались в российской глубинке одному богу известно. Может наймиты были в войске, может предки княжеских слуг. В этих семьях и сами не знали, откуда они пришли, только неясные смутные догадки и все.

Чтение литературы вызывало у Егора разные чувства: то он радовался победам соотечественников, то приходил в горькое недоумение от событий не совсем далеких репрессивных лет, то впадал в глубокие размышления о судьбах героев эпохи зарождения русского государства. Особенно его поразила совсем небольшая книжица «Слово о полку Игореве», патриотическая поэма древней Руси. Точное время написания ее неизвестно. В произведении речь шла о событиях двенадцатого века. Егор читал ее не спеша, смакуя каждое слово, каждую строку, погружаясь с головой в далекие тревожные события древней Руси. Потом снова и снова возвращался к этому удивительному произведению. Поэма притягивала, завораживала красотой и образностью выражений древнего автора.

«Боян же вещей, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.»

Тот, кто написал эти строки, был поэтом в самом высоком смысле. Так не мог сказать обычный простой человек и, тем более, чужак, как предполагают некоторые псевдоисторики. Это был, хорошо образованный по тому времени, человек, прекрасно владеющий русским языком, знающий историю своей Родины, любящий и болеющий всей душой за нее. Силой и мужеством веет от этого произведения, хотя речь идет о поражении русского войска. Егор не знал, смог бы он вот так, лицом к лицу, с превосходящим по численности, врагом, встать на смерть, как ратники князя Игоря. Нынче битвы не те, что во времена древней Руси. Противник – на расстоянии выстрела. В глаза друг другу смотреть не обязательно. В армии Егор стрелял по мишеням, стрелял и на учениях по воображаемому противнику. Особенного мужества и храбрости для этого не требовалось. Отслужил и забыл. Мирная, размеренная, полная трудов, жизнь в российской глубинке Егору нравилась. Он твердо решил для себя, что когда его семья получит свои земельные паи, будет заниматься фермерством. Что может быть лучше честного, привычного труда на благо своей семьи?

Как и предлагалось на собрании, по осени собрали неплохой урожай овощей и зерна. Поделили часть по домам, излишки продали заезжим перекупщикам по дешевке. С колхозным стадом вышла неувязочка. Ни кто не хотел брать на зиму лишнюю обувь. Скотину надо было кормить, а кормов не заготовили в нужном количестве. С десятков коров пристроили по дворам, а остальных сдали на убой. Убогий пастух Егорушка тезка Егора остался не при делах и запил. Было такое чувство, что скоро конец света. Никому ничего будет не надо. Но видно по инерции всю осень рубили и солили капусту, ставили в холодных сенях бочки с солеными огурцами и грибами. До весны надо что-то есть. Почему-то конец света предполагался на весну.

Зима подходила к концу. Ближе к весне деревня заволновалась, загудела. Конец света не состоялся, стало быть нужно снова пахать, сажать и сеять. Выбранный деревенский актив приступил к разделу колхозной земли. Всем хотелось получить более удобные участки. Егору полагалось три полных пая и на троих неработающих добавили еще пай. Колхозниками в их семье посчитали мать, самого Егора и восемнадцатилетнего брата Бориску. Сестра Галина училась на ветеринара в Туле, следовательно, в колхозе не работала, а брат Толик и младшая сестра Алена были еще школьниками. Получив в собственность несколько гектаров земли, Егор согласился обрабатывать и надел соседа, тезки Егорушки, безобидного деревенского алкаша. Он все равно не будет обрабатывать свой пай, так зачем пропадать земле? Егор обещал по осени выделять ему долю урожая на жизнь. Участок земли между деревенским прудом и лесом был не самым лучшим, но и не худшим. Егора радовала близость воды. Легче будет организовать полив поля. И когда земля отошла от зимней спячки, он с энтузиазмом приступил к пахоте. После развала колхоза остались два трактора, один на ходу, другой без запчастей, один комбайн, дышащий на ладан да груда разного металлолома из борон, косилок. Поделить их не смогли, а продать и разделить, между колхозниками, полученные за них деньги, было нереально. Кто купит этот хлам? Решили оставить технику в общее пользование. Потому Егору пришлось опять пахать всю, бывшую колхозной, но ставшую частной, землю. Люди за это рассчитывались натурой: кто – приносил молока кринку, кто – сметаны и творога, кто – пару десятков яиц, а кто-то говорил спасибо, обещая отблагодарить по осени. Все лето семья Егора в полном составе трудилась не покладая рук на своих полях. Даже сестра Галина, сдав сессию, приехала помогать родственникам. Осенью брата Бориску призвали в армию. Провожали, как водится, всей деревней, с гармошкой и наказами, чтобы не опозорили земляков. Новобранцем Бориска был не один. Еще трое его дружков ушли вместе с ним. Мать плакала, а Егор успокаивал ее: – Ну что ты расстраиваешься. Отслужит и вернется, и не заметишь, как время пролетит.

Глава 3

Не вернулся Бориска. Непокойно было на Кавказе. Доходили слухи, что там творятся темные дела. Похищают людей, убивают или просят такие деньжищи на выкуп пленников, какие в деревне отродясь не видывали. Дотоле дружно живущие бок о бок чеченцы, ингуши, русские и другие народы вдруг возненавидели друг друга. Грабеж и насилие процветали при бездействии местных властей, а то и при прямом их покровительстве. Народ, глядя телепередачи о бедствиях, которые происходили на южных рубежах страны, с трудом верил в происходящее. Наконец в декабре 1994 года разразилась настоящая война. В последнем письме Бориска сообщал, что их часть перебрасывают на Кавказ. Вся семья по газетам с напряжением следила за развертывающимися военными событиями. Сведения были скудными. В газетах вскользь упоминались названия чеченских городов: Грозный, Моздок, Гудермес, Аргун. Егору были известны эти места. Он в свое время служил там. В Грозном жил его друг по службе Аслан Бакиев. Егор и представить не мог, что придет время и он со своим, никогда не унывающим, шутником Асланом окажутся противниками. Он не раз бывал в доме друга, когда отпускали в увольнение. Мама Аслана, гостеприимная, улыбочивая Мадина, радушно принимала друга сына, выставляла на стол все что есть. Русский богатырь, как шутливо называла она его, по ее понятию, должен есть за троих. Сестра Аслана, Алия, кокетливо бросала взгляды на белокурого, синеглазого парня, отчего Егор смущался. Алия была еще подростком и мать выпроваживала ее и младшего братишку Ахмада в другую комнату, чтобы они не беспокоили гостя. Отца Аслана Егор видел всего один раз. Тот трудился где-то на нефтепромысле и дома бывал наездами. – Так не бывает, – думал Егор – не может Аслан воевать против русских. Ведь он сам почти русский. Пушкина читал наизусть, Лермонтова «Мцыри» декламировал, как заправский артист, восхищался, как тонко русский дворянин смог описать характер гор-

ского мальчика-пленника. Аслан после службы собирался поступать в институт на факультет журналистики, и поступил. С Егором он обменивался редкими письмами, извинялся, жаловался на нехватку времени. А за последние пару лет Егор не получил от него ни одного письма. И вот – Бориска. Третий месяц – ни слуху ни духу.

Тревога и слезы полились по деревне, когда весной 1995-го привезли в гробу первого новобранца Сашку Чернова. Мужики и бабы стояла у его закрытого гроба. Мужики – молча, а бабы утирали слезы. Все сетовали: ни посмотреть, ни поцеловать на прощанье. Им объяснили, что гроб открывать нельзя. Да и как его откроешь, запаян намертво. Что там такое, что даже смотреть запрещается? Сашка в гробу или не Сашка? Мать его Анисья и сестры Верка с Надькой были словно волчицы, слышно было во всех концах деревни. Бывший председатель бывшего колхоза, а теперь владелец большей части колхозных земель, что-то говорил, изображая скорбь. Люди угрюмо молчали, ведь еще несколько парней из их деревни где-то бьются с врагами, которые совсем недавно были их соотечественниками, а, может, уже и не бьются, пали как Сашка, ведь вестей-то от них нет.

Пропал Бориска. Майкопский мотострелковый полк, в котором служил он, был основательно потрепан при штурме Грозного. Вскоре матери пришла бумага, в которой говорилось, что рядовой Романов Борис пропал без вести. Мать от этого известия свалилась в обморок. Толик и Алена хлопотали над матерью, брызгали в лицо водой, совали под нос пузырек с нашатыркой. Подоспевший Егор поднял с полу мать и положил на кровать. Она, очнувшись, смотрела на старшего сына безумными глазами и повторяла непослушными губами одно: Бориска, Бориска. Егор уже знал о брате. Ему соседи сказали, когда он шел домой.

– Мам, он не погиб, а пропал без вести. Это значит, что среди погибших он не числится, – пытался успокоить Егор мать. Глаза матери наполнились слезами и она, наконец, сорвалась на громкое рыдание, выходя из ступора.

– Мам, не плачь, он не умер. Хочешь, я поеду и найду его? У меня в Грозном друг, ты его знаешь, я писал тебе о нем. Он поможет мне.

– Куда-а-а, Егорушка? Там война-а-а – рыдала мать.

– Да может Бориска и не в Грозном, мало ли где, отстал от своей части, так бывает, – предположил Егор для успокоения матери. Мать с надеждой взглянула на него и выдохнула сквозь слезы: – дай-то бог!

На дворе стоял март. Оплавленная корка рыхлого снега с хрустом проламывалась под ногами. Егор обходил свое поле, поправлял щиты для снегозадержания, чтобы земля впитала в себя больше влаги от снеготаяния, а дума неотвязная тяжело ворочалась в голове: – надо съездить, на месте разузнать все о брате. Мать извелась, почернела, плачет втихомолку от нас. Но разве обманешь? Глаза красные, осунулась, почти не ест. В войну не полезу, порыскаю среди наших, может о друге Аслане что узнаю, а там и он поможет. До посевной обернусь, уже твердо решил он для себя. Через несколько дней Егор обратился к матери:

– Мам, я поеду, может, о Бориске что узнаю. Не держи меня и не переживай. Я осторожно. Если почувствую опасность, не сунусь куда не надо. Постараюсь побыстрее вернуться. Береги себя, не изводись. Определенность, какая бы она ни была, лучше, чем неизвестность. Поставим точку в этом деле и будем дальше жить. Мать посмотрела на Егора запавшими глазами с темными кругами вокруг них, перекрестила сына и напутствовала тихо:

– Вижу, решил, отговаривать без толку, поезжай сынок и возвращайся. Береги себя, я не хочу потерять и тебя. Егор обнял ее и сестренку, пожал по-мужски руку Толику и через пару часов, с тощим рюкзаком за спиной, стоял на тульском тракте, ловя попутку.

До Моздока Егор добрался благополучно, если не считать, что на подъезде к станции, поезд на котором он ехал, обстреляли среди бела дня неизвестные из автоматов. В некоторых вагонах были выбиты стекла и осколками ранены несколько человек. Поднялась суматоха. Люди метались по проходу, не понимая где укрыться. Егора не задело. Он всю дорогу пролежал на верхней полке, спускаясь лишь тогда, когда военный или милицейский патруль требовали предъявить документы. Его спрашивали, зачем он едет в места боевых действий. Егор говорил правду. Один из военных заметил, что затея эта опасная и безнадежная. Чеченцы берут в плен каждого, кто к ним попадет. Хорошо если сразу убьют. Ты парень даже не представляешь, что они делают с пленными. Бросают в ямы, сажают на цепь как собак, отрезают головы. Ты проклянешь тот день, когда родился на свет. Там такая каша, не знаешь, где кто – наши, или чеченцы. Стреляют из-за каждого угла, из каждого подвала и чердака.

– У меня в Грозном друг, – пояснил Егор.

– Какой друг? Ты что, с неба свалился?

– Мы служили вместе.

– Вот мать твою! Служили они, – возмутился военный – да твой бывший дружок первый тебе глотку перережет. Не чеченцы, так наши тебя остановят. Возвращайся парень пока не поздно, а то мать и тебя будет оплакивать. Егор промолчал.

– Ну, смотри парень, пропадешь ни за грош, – сказал военный, возвращая Егору документы.

Как только Егор сошел с поезда в Моздоке, его задержала какая-то непонятная группа из четырех бородачей, вооруженных автоматами. Егор привычно полез в нагрудный карман за документами. Один из них взял документы, другой бесцеремонно сдернул рюкзак с плеча Егора, вытряхнул содержимое прямо на землю. Полотенце, кусок мыла, бритвенный прибор, пара носков, полбуханки хлеба, кусок зачерствевшего сыра, перочинный ножик и пустая фляжка из-под воды – все, что обнаружили разочарованные бородачи.

– Деньги есть? – спросил один.

– Немного есть, на билет до Грозного, – ответил Егор.

– Давай сюда!

– А на что я буду дальше добираться? – возразил Егор.

– На тот свет тебя бесплатно отправят, – пробурчал бородач, обшаривая карманы куртки Егора. – Даже курева нет, – констатировал он.

– Я не курю – ответил Егор.

– Че ты сюда приперся без денег?

– Брат пропал, найти хочу – ответил Егор.

– Ищи в аду, – дружно загоготали бородачи. Обчистив карманы Егора, забрав обнаруженные несколько сот рублей, фляжку, бритвенный прибор и перочинный ножик, они пошли патрулировать дальше. – Мародеры какие-то, хорошо паспорт оставили, подумал Егор. Подобрал хлеб и сыр, стряхнул с них крошки земли, положил в рюкзак, и пошел к зданию вокзала. Там он узнал, что поезд до Грозного не идет, в виду интенсивных боев. Выйдя из здания вокзала, он пошел по первой попавшейся улице. Города он не знал, а ему надо было выйти на автомобильную трассу, ведущую в направлении Грозного. Навстречу ему торопливо шла женщина в черном платке, повязанном по самые глаза. Он обратился к женщине с вопросом о дороге, но та шарахнулась от Егора, как от чумного. Тогда он попробовал спросить у мальчишек, о чем-то громко споривших между собой. Мальчишки с криками: – ай, шайтан! – разбежались в стороны, осыпая Егора камнями.

– Что они тут все, как дикари, пугаются мирного человека, у меня же нет в руках ни автомата, ни ножа, ни, даже, палки. Тут Егор заметил далеко впереди на обочине дороги колонну из танков и бронетранспортеров. – Вроде свои, – решил он, разглядев при приближении бойцов, расположившихся на бронетранспортерах. Бойцы курили, травили байки, смеялись.

– Бойцы, куда путь держите? – спросил он.

– А ты кто такой, чтоб тебе докладывать? Может ты шпион, – бойко спросил чернявый и черноглазый балагур в танкистском шлеме, наставив на Егора автомат. Бойцы дружно засмеялись.

– Не шпион я, брат у меня пропал без вести. Здесь воевал. Хочу найти живым или мертвым. Мать совсем извелась. Может, кто слышал? Романов Борис его зовут, со слабой надеждой спросил у бойцов Егор. Притихшие бойцы смотрели на него, кто с удивлением, кто с любопытством.

– Ты парень не блаженный случайно? – спросил насмешливо все тот же балагур в танкистском шлеме, – что же ты среди войны ищешь брательника? Подожди, очистим Чечню от бандитов, тогда и найдешь.

– Может, ему сейчас нужна моя помощь. Может, сегодня он еще жив, а завтра будет поздно, глядя прямо в жгуче-черные глаза балагура, – произнес Егор.

– На, покури, – после некоторого молчания протянул Егору окурочек сигареты балагур.

– Не курю – отказался Егор.

– Может ты еще и водку не пьешь?, – усмехнулся тот.

– Не пью.

– Э, да ты и впрямь блаженный – протянул балагур, докуривая сигарету. И куда ты теперь навострился?

– В Грозный мне надо.

– Эх, поглядите на него братцы! Человек сам в пекло лезет.

– Надо мне – упрямо настаивал Егор. Во время разговора к машине, у которой стоял Егор, подошли два командира военной колонны.

– Что тут происходит? – спросил один из них.

– Да вот тут в Грозный просится, – и бойцы изложили командиру суть происходящего.

– Ты где служил? – спросил его командир.

– Здесь недалеко и служил под Грозным в танковых войсках.

– Танкист значит.

– Танкист. Проверив паспорт Егора, командир произнес:

– Если не возьмем?

– Пойду пешком.

– Ну, ну – протянул командир и махнул рукой головной машине. Колонна машин, взревев, двинулась мимо Егора. Егор поправил на плече рюкзак и двинулся следом.

– Ладно, подвиньтесь ребята, пусть едет, только знай, танкист, в любой момент мы можем вступить в бой, не дойдя до Грозного. И не факт, что мы останемся живы, – прокричал, перекрывая шум моторов, командир. Бронетранспортер, идущий в хвосте, остановился, и балагур в танкистском шлеме с готовностью протянул Егору руку, Егор втиснулся между потеснившимися бойцами. Машина двинулась, догоняя колонну. До Грозного оставалось около двадцати километров, когда из-под танка, шедшего в голове колонны, вырвался столб земли, пламени и черного дыма. Танк подбросило и развернуло поперек дороги, перекрыв путь другим машинам. Бойцов мигом смело с брони. Тут же с левой стороны из-за холма затрещали автоматные очереди. Пули звонко зачиркали по броне, высекая искры. Егор скатился на землю вслед за бойцами и укрылся за машиной. Завязался ожесточенный бой. Егор лежал на земле, не смея поднять головы. Он был безоружным и ничем не мог помочь своим. Боевики подбили из гранатомета еще две машины. Взрывы гранат, крики раненных, треск автоматных очередей, с обеих сторон, гул, грохот, кровь. Бронетранспортеры, идущие в хвосте колонны, пытались развернуться, и уйти из-под огня, но боевики опередили, они подбили машину, замыкающую колонну. В колонне было десять машин. Трех экипажам удалось-таки развернуться и они ушли обратно в сторону Моздока. Еще три машины, пятась и отстреливаясь сумели ретироваться

следом за первой группой. С ними ушла часть бойцов, оставив на пле боя экипажи подбитых машин. Оставшиеся экипажи вели неравный бой. Боевики били со всех сторон. Горстке бойцов было негде укрыться на открытой дороге. Егор сгоряча не почувствовал боли в руке. Только когда его кто-то грубо толкнул, он невольно вскрикнул и схватился за плечо. Рукав куртки был в крови.

– Блаженный, – услышал он и ощутил жаркое дыхание у лица, – уходи. Вон рядом балка. Балагур, уже без шлема, с лицом залитым кровью, не переставая стрелять, кричал Егору в ухо, стараясь перекрыть гул и грохот боя: – Уходи-и! И вдруг дернулся и сник.

– Ты чего, ты чего? – тряс его Егор за плечи.

– Мишка я Колесников, из Ростова – прошептал балагур белеющими губами, – мамане передай – ... и затих, устало закрыв глаза. Из рта и носа его на землю алыми струйками стекала кровь. Егор полу-оглохший, растерянный, приподнялся и чуть не словил пулю. Будто в немом, замедленном кадре кино увидел он, как из-за соседней машины, словно привидение, вынырнул бородач и одним резким взмахом кинжала перерезал горло раненному бойцу, укрывавшемуся за машиной. Боец захрипел, заваливаясь на спину. Бородач крутанулся в сторону Егора. Егор сам не понял, как в его руках оказался автомат балагура. Буквально на одну секунду он упредил нападавшего автоматной очередью. Бородач споткнулся и кулем тяжело свалился замертво на него. Егор оттолкнул мертвого противника. Его крупно трясло. Расстреляв полностью рожок автомата, он отбросил его в сторону и метнулся к спасительной балке. Вжимаясь всем телом в землю, извиваясь ужом, он пополз прочь от смертельной дороги к недалеким зарослям. Накал боя постепенно стихал. Все реже звучали выстрелы, все громче раздавались над дорогой торжествующие крики победителей. Егор понимал, что после этого боя никто из бойцов не останется в живых. Укрывшись в густых зарослях, он видел, как боевики ходили по дороге между подбитыми машинами, добывая раненных. Двое из них направились в сторону балки. Егор, пятясь, торопливо стал отступать в глубь зарослей, и вдруг земля внезапно расступилась под его ногами. Он провалился в пустоту.

Глава 5

Монотонный, печальный звук капли вывел Егора из небытия. Открыв глаза, некоторое время не мог понять, где он и что с ним случилось. Вокруг царил полумрак. Слышались тихие переливы струй воды. Наконец Егор понял, что находится в какой-то пещере. Он приподнялся, от движения, в руке огнем вспыхнула боль. Егор сразу вспомнил все: бой, ранение, гибель бойцов, свое падение. Удивительно, что не сломал ничего – подумал он, – зашиб ноги только, болят. Пещера оказалась не очень большой, с пологим спуском к выходу, который маячил недалеко светлым пятном, как и дыра над головой. Прямо из подножья скалы бил родничок и ручейком выбегал из пещеры наружу. Егор умылся, напился из родника, снял куртку и свитер, замыл кровавые рукава. Рана была не пулевая. Шальной острый маленький осколок гранаты рассек куртку и вонзился в плечо. Егор, сжав зубы, рывком выдернул осколок, кровь тонкой горячей струйкой потекла из раны. Он разорвал рубашку и лоскутом от нее перевязал руку, кровь остановилась. Надел на голое тело свитер и куртку. Остаток рубашки засунул под свитер в район раны. Сколько времени он находился в пещере Егор не знал. Он осторожно выглянул из своего убежища и обомлел. Пещера прямо на выходе обрывалась пропастью. Ручеек тонкой ленточкой срывался вниз в реку, протекавшую по долине. От пещеры по узкому горному уступу шла еле заметная тропа. – Значит, здесь бывают люди, раз протоптана тропа, понял Егор. Может, те самые боевики и укрываются в ней между боями, хотя в пещерном полумраке он не обнаружил явных следов присутствия человека. Надо уходить. Он оглядел окрестности, людей не было видно, и осторожно ступил на тропу. Цепляясь за редкие кустики и каменные выступы, обдирая в кровь руки, Егор поднялся к зарослям, откуда сверзился в пещеру. Наверху

он долго отдыхал, привалившись к валуну и прислушиваясь. Было тихо, до звона в ушах. Даже птицы молчали, не нарушая девственного покоя. Будто совсем недавно не рвались снаряды, не стонала земля, вставая дыбом, не кричали люди от страха, боли, ярости. Кружилась голова. Егор лег на землю, глядя в высокое, чистое, без единого облачка, небо. – Контузия наверно, подумал он или сотрясение мозга, рана пустяковая, от нее голова бы не закружилась. Полежу немного да пойду, нечего прохладиться, хотя ему совсем не хотелось шевелиться. Лежал бы и лежал, глядя в бязмятежную небесную синеву. И тут он ясно услышал хруст сухой обломившейся ветки, затем еще. Егор затаился за валуном. Чужая отрывистая речь резанула слух. Егор почти не дышал, осторожно выглядывая из-за валуна. Вот в поле его зрения показалась первая фигура, за ним – другая, третья. Он насчитал уже больше двадцати человек. Боевики шли друг за другом, изредка перебрасываясь короткими фразами. Что это боевики, сомнений у Егора не возникло. Все были вооружены, почти все с бородами, кое кто ранен. – Во время опомнился – подумал Егор. Прележи я в их логове в беспамятстве еще час, не очнулся бы уже никогда. Похоже бог присматривает сегодня за мной – иронично предположил он. И в бою не погиб, и в пещере схоронил, и во время с тропы увел. Боевики явно направлялись в пещеру. Других троп здесь не было. Подождав, когда последняя фигура скрылась в зарослях, Егор стал пробираться к дороге, где произошел бой. Разбитые машины все еще дымились. Возле машин в разных позах лежали обезображенные, окровавленные трупы бойцов. Дорога в оба направления от места боя была пустынна. Он подошел к месту, где оставил погибшего балагура. Его голова была отсечена от тела, держалась лишь на малом кровавом лоскутке кожи.

– Господи! Что же это такое? – ужаснулся Егор, – они измываются даже над мертвыми. От увиденного, у него подкосились ноги, он присел на корточки, его вырвало. – Вот и Бориска лежит где-то, замученный и не погребенный, – подумал он. Не по-людски это. Егор хотел, в знак почтения, собрать погибших бойцов в одно место и накрыть их тела брезентом, валявшемся тут же на дороге, но вовремя обнаружил, что тела погибших заминированы. Чуть приподняв тело балагура, он увидел под ним гранату. Каким-то чудом граната не сработала. Егор в мгновение покрылся испариной от сознания того, что сейчас он мог реально погибнуть. – Видно и вправду Господь сегодня со мной, уже без иронии, подумал он. – Прощай брат – сказал он балагуру – жив буду, навещу твою мать, и побрел, не скрываясь, по дороге в сторону Грозного. Заходящее Солнце на прощанье окрасило кровавым цветом далекую кромку гор. Стемнело и Егор справедливо полагал, что на ночь глядя, вряд ли кто отважится отправится в путь в такое страшное время. Устав брести по пустынной ночной дороге, он остановился у груды камней, отдохнуть до рассвета. Привалившись спиной к камню, он размышлял: ввязался я в плохую историю, один на вражеской территории, вряд ли я найду брата, уцелеть бы самому. Он не дооценил опасность. Правда оказалась страшней, чем он предполагал. Гостеприимные чеченцы теперь режут глотки тем, с кем жили в дружбе многие годы. Не хотелось верить в эту жуткую реальность. Крупные южные звезды над головой кажется тоже были в недоумении от происходящего под ними. Когда немного развиднелось, Егор разглядел, что остановился буквально в пятистах метрах от первых городских строений. На дороге по-прежнему было пусто. Ни из города, ни в город никто не спешил. Егор вышел из своего укрытия, но тут же опять нырнул за камни. Из города выскочила легковушка и на большой скорости промчалась мимо, обдав его клубом дыма и пыли. Прележав в укрытии с полчаса, Егор решил покинуть свое убежище. Он не спеша пошел к строениям. Темные глазницы домов, обращенные на пустынную улицу, вселяли тревогу. Егор шел и озирался. По спине неприятно пробежал холодок. – Что, все повымерли что ли? И тут мимо уха свистнула пуля. Запоздалый звук выстрела Егор услышал, спустя долю секунды. Он упал и откатился за трансформаторную будку, оказавшуюся рядом. – Я же безоружный – подумал он – чего они в любого человека палят, даже не спрашивают кто, откуда, зачем? Да, открыто по городу не пройдешь. Я для всех хорошая мишень. Придется забиться в какую-нибудь нору до темноты. Егор забрался в разби-

тый дом через провал окна. Дом был одноэтажный на несколько комнат. Двери в доме отсутствовали, были выбиты взрывом. Он с осторожностью обошел все комнаты. Под ногами хрустела обвалившаяся штукатурка. Егор ступал тихо, понимая, что за следующей стеной, мог кто-то затаиться. Дом оказался пуст. К своей радости, в помещении, где раньше видно была кухня, он под обломками штукатурки нашел закопченный чайник с остатками воды. Вода была затхлой, застоявшейся. Егор обернул носик чайника полоской ткани от рубашки и через этот импровизированный фильтр напился. – Ну вот, – подумал он, – еще бы поесть. Последний раз он ел около полутора суток назад, еще в поезде. Рюкзак с половиной буханки хлеба и куском сыра он потерял во время нападения на колонну. Обшарив кухонный шкаф и стол, Егор нашел в столе рассыпанную горстку сухих макарон вперемежку с зернами риса. – Ну, хоть что-то. Он собрал в карман куртки макаронины и рис и устроился у окна, наблюдая за улицей. День выдался пасмурный, к тому же из соседнего здания клубился черный дым. Он не поднимался вверх, а стлался по улице на уровне человеческого роста, придавленный низким атмосферным давлением. Из-за дыма обзор был невелик. В городе временами слышались перестрелки. За весь день наблюдения Егор увидел лишь небольшую группу людей, перемещавшуюся перебежками от дома к дому. Кто это были, определить невозможно. Одни были в камуфляже, другие в гражданской одежде, но оружие было у каждого. – Действительно не разберешь, где свои, где чужие, вспомнил он напутствие милицейского патруля. День тянулся ужасно долго. Сидя в своем углу, с замиранием сердца, Егор ожидал, что кто-нибудь наткнется на его убежище, но обошлось. Дом стоял на окраине, а выстрелы доносились больше из центра. Он сгрыз несколько найденных макаронин, чтобы заглушить тоскливую, сосущую пустоту в желудке. Когда темень окутала окрестности, Егор решился выйти из своего убежища. Город он знал не очень хорошо, но примерно представлял в каком направлении надо продвигаться, чтобы добраться до района, где проживал его друг Аслан. Он крался точно зверь от дома к дому, от забора к забору. Где-то, на половине пути, из-под ног его выскочила тощая собака и, отбежав, загавкала на него, поджимая к животу хвост. Тут же напряженная тишина грозненской ночи взорвалась оглушительными автоматными очередями и засветилась всполохами ракет. Егор припал к земле. Рука его наткнулась на что-то мягкое. Егор пошарил рукой дальше, и его бросило в жар. Он лежал рядом с мертвецом. И не подняться, не отползти. Заметят. От трупов ужасно смердело. Егор отвернул лицо в сторону, стараясь дышать не глубоко. – Видно давно лежит, – подумал он. – Что же не убирают-то, ведь человек все же, не собака. Выстрелы стихли. Егор полежал минут десять и тихонько пополз от мертвого тела и снова наткнулся на мертвеца.

– Господи! Да тут кругом погибшие! – поразился Егор. В темноте ночи он не мог определить местоположения дома Аслана. Завалившись в какую-то яму, он стал ждать луны или когда хоть чуть-чуть развиднеется. Вот уже на сером фоне занимающегося рассвета стали вырисовываться слабые очертания зданий. Егор выглянул из ямы и с трудом понял, где он находится. Площадь «Минутка» в самом центре Грозного была неузнаваема, изрытая снарядами, заваленная разным хламом и трупами. Тяжело стало на душе у Егора, так тяжело, что дышать стало больно. Что же это такое! Как могло это случиться? Еще недавно этот город шумел, радовался, пел, цвел; молодежь назначала свидания на площади, а теперь по его улицам ходить смертельно опасно. Чему такому надо было случиться, чтобы один народ поднялся на другой народ, мирно проживавшие вместе больше столетия. Где родилось и возросло то зло, что сейчас торжествует над разрушенными чеченскими городами, над безвестными трупами российских солдат? – Господи Иисусе, помилуй мя! – взмолился Егор, нащупав нательный крест под свитером.

Глава 5

– Эй, русский! – резануло по ушам. И тут же в его затылок уперлось дуло автомата. – Вставай баран! Внушительный пинок в бок последовал за окриком.

– Ну вот и все, – промелькнуло молнией в голове, – не дошел, не сумел. Упершись руками в землю, Егор начал подниматься, но тут добротный армейский ботинок придавил его правую кисть к земле, хрустнули пальцы. У Егора от боли потемнело в глазах. За этим последовал новый пинок. Егор не удержался и завалился на бок. Вокруг громко и грубо захохотали. Преодолев боль, Егор все-таки поднялся. Перед ним с автоматами наперевес стояли человек пять заросших бородами людей. Взгляд пронзительно черных глаз проник прямо в душу Егора, он внутренне содрогнулся. Изошренно оскорбляя и смеясь над своими же, как им казалось, остротами, они грубо тыкали в грудь пленника стволами оружия. Один рыжебородый вытащил нож и поигрывал им перед лицом Егора: – Сейчас из тебя шашлык делать будем – сказал он со зловещей улыбкой. Остальные громко засмеялись.

– Не убивайте меня, я не солдат, у меня нет оружия, – поспешно сказал Егор. – Я сильный, здоровый и много умею чего делать, – добавил он со скрытой надеждой.

– Видим что здоровый, ты кто, зачем пришел в Грозный? Чего тебе тут надо? – поинтересовался рыжебородый.

– Я к другу своему шел Аслану Бакиеву.

– Какой такой Бакиев?

– Он здесь рядом живет на Гудермесской 15.

– Больше не живет, от этого дома развалины остались – заметил другой чеченец с густой, словно каракулевая шапка, шевелюрой. – Что теперь скажешь?

– Я пригожусь вам. Я могу пахать, строить, лошадь подковать, печь сложить.

– Какая печь, баран? Не видишь, война! Где тут поле? Пахать, сеять – передразнил Егора каракулевый чеченец. Но Егор упорно продолжал перечислять свои достоинства. Он понимал одно, ему надо выторговать свою жизнь. Нет, панического страха за себя он не испытывал. Борису надо найти, твердо помнил он свою задачу, да и матери обещал вернуться.

– Я готовить могу, по дереву работать, кирпич класть.

– Ты посмотри, какой ценный работник нам попался! А стирать умеешь? Штаны нам стирать будешь? – с сильным акцентом изгалялся рыжебородый.

– Буду – смиренно ответил на издевку Егор. Все опять захохотали.

– Ладно, – сказал молчавший дотоле угрюмый чеченец в черной вязаной шапке, натянутой по самые глаза, – тащите его к нам. Егору на голову накинута мешковина, грубо подхватили с двух сторон и повели с площади в обозначившейся просвет улицы. Не видя дороги, Егор спотыкался, и каждый раз получал удар или пинок. Раненое плечо на каждый удар отзывалось пронзительной болью. Егор, стиснув зубы, терпел. Наконец его завели в какое-то здание и вниз по лестнице спустили в подвал, так показалось Егору. Не снимая с его головы мешка, его толкнули, он упал на бетонный пол. – Раз сразу не убили, значит, есть надежда – теплилась в его голове мысль. По гулу голосов Егор понял что в помещении еще есть боевики.

– Кого это вы притащили? – спросил невидимый Егору человек.

– Барана на шашлык – загоготали его конвоиры.

– Здоровый баран.

– Да, здоровый. Он сам признался.

– А зачем сюда-то притащили? Там бы и прирезали.

– Э, он ценный баран, хвалился, что все может. Мы его Махмуду продадим, ему работники нужны. Мясо кончилось, завтра поедем за мясом, вот на баранов и обменяем его. Егор облегченно вздохнул: значит, не убьют. В подвал спустился еще один бородач и прокричал что-то на непонятном для Егора языке. Все разом загалдели, и Егор понял, что они куда-то собираются. Егору связали за спиной руки, притянули их к ногам и в этой неудобной позе привязали к трубе канализации. В подвале стихло. Егор попробовал пошевелить руками, но узлы были крепко стянуты. С улицы донеслись звуки выстрелов, взрывов. Стрельба то разгоралась, то стихала, то приближалась, то отдалялась. Егор потерял счет времени. Руки и ноги затекли

и онемели, во рту пересохло. Язык распух. Хотелось очень пить. Наконец послышался топот ног. Боевики возвращались шумно, что-то горячо обсуждая между собой, перемежая русскую, чеченскую и арабскую речь. Рядом с Егором что-то глухо упало. Послышался слабый стон. – Еще пленник – подумал Егор.

– Где он? – услышал Егор голос.

– Здесь. С головы Егора сдернули мешок. В сумраке подвала он не сразу разглядел человека стоявшего напротив.

– Он? – спросил рыжебородый у человека. После некоторого молчания человек подтвердил:

– Да, мы вместе служили.

– Аслан! Разрывая слипшиеся губы, обрадованно воскликнул Егор.

– Что вы хотите с ним делать? – холодно спросил Аслан у рыжебородого.

– Махмуду продадим, если твой друг тебе не нужен. Он хвалился, что на все руки мастер, Махмуд обрадуется, ему как раз нужны работники.

– Хорошо, пусть берет.

– Аслан! Как же? Это ж я, Егор.

– Забудь Егор. Твоя страна напала на мою страну. Ваши солдаты убивают наших ребят. Мы теперь с тобой по разные стороны.

– Аслан, я шел к тебе не воевать, я шел за помощью. Аслан посмотрел на Егора долгим тяжелым взглядом, повернулся и молча вышел из подвала. Егор бессильно опустил голову. Он не верил своим глазам и ушам. Друг весельчак Аслан отверг его.

– Дай хоть воды – попросил он у рыжебородого, а то помру и Махмуду нечего будет продавать.

– Я тебе сейчас такой воды дам – пошел на него рыжебородый.

– Дай, – остановил рыжебородого один из его товарищей, – зачем товар портить.

– Ладно, согласился нехотя рыжебородый, зачерпнул железной кружкой из бачка, стоявшего в углу подвала и подал Егору. Но связанный Егор не мог взять кружки.

– Развяжи меня, не убегу. Некуда мне бежать. Я сам к вам шел.

– Ладно, опять согласился рыжебородый. Он отвязал Егора от трубы, распустил веревку на руках и ногах. Егор растер затекшие и онемевшие конечности и залпом до дна осушил кружку. Тут он увидел еще двух пленников. Молодые испуганные солдаты, связанные вместе одной веревкой, сидели на полу у стены подвала. Совсем мальчишки – подумал Егор.

– Их тоже Махмуду продадите? – спросил он.

– Заткнись! – толкнул Егора прикладом автомата рыжебородый – разговорился больно! Егор сел рядом с солдатами. Рыжебородый снова связал его, но к трубе не стал приматывать.

– Сиди тихо, а то башку разобью, – произнес он и отошел к своим. Боевики устраивались на отдых, выставив караул. Ночью Егор ни на минуту не задремал. Рядом тихонько стонал один из пленников. Другой уговаривал его шепотом: терпи Толян, а то убьют. – Надо же, подумал Егор, так же, как моего младшего братишку зовут. На душе было тошно. Аслан предал его. Придется как-то самому выкручиваться. Он устало прикрыл глаза, в надежде подремать хоть чуть чуть, но боль в потревоженной руке и тревога не давали забыться сном. Вдруг Егор почувствовал легкое прикосновение. Он открыл глаза и в сумраке едва разглядел перед собой лицо Аслана. Тот прижал палец к губам, давая понять ему, чтобы он молчал.

– Я найду тебя – шепнул Аслан и бесшумной тенью скрылся во тьме. Егор воспрянул духом. Его друг отрезал от него, чтоб не оплошать перед своими, догадался он. Утром Егору и двум пленникам надели на головы мешки и затолкали в небольшой старый обшарпанный автобус-буханку. Автобус с полчаса петлял по раздолбанным снарядами улицам Грозного, выбираясь из города, потом часа три трясся по разбитой горной дороге. Наконец миновав перевал, спустился в небольшое поселение, прилепившееся домами к склону горы. Автобус оста-

новился у одного из домов, укрывшегося за высоким забором из гофрированных железных листов. На стук из ворот вышел паренек подросток.

– Зови хозяина – приказал ему рыжебородый чеченец. Подросток удалился, а боевики вытащили пленников из машины и завели во двор. Егору ничего не видел из-за мешка, но вот скрипнула дверь дома.

– Э, Сахрутдин, ты опять мне дохлых баранов притащил! – услышал он недовольный голос.

– Я тебе работника на все руки привез Махмуд. Вот посмотри какой здоровый – сказал рыжебородый Сахрутдин, сдергивая с головы Егора мешок. Егор зажмурился от слепящего солнечного света. Махмуд, пожилой чеченец в высокой каракулевой шапке, с окладистой седой бородой, подошел к Егору, осмотрел его со всех сторон. – Как скотину осматривает – подумал Егор, – хорошо в рот не заглядывает.

– Воевал? – спросил его Махмуд.

– Нет – ответил Егор.

– Тогда зачем пришел на нашу землю?

– К другу шел за помощью.

– Какую помощь ты хотел от друга? – продолжал пытаться его Махмуд.

– Брат мой до войны в Грозном жил, – соврал Егор, не моргнув глазом, на консервном заводе работал, да вот пропал. Мать извелась, просила найти.

– Друг не помог?

– Нет.

– Правильно. Чеченец русскому не друг. А ты баран безмозглый, хоть и здоровый – рассмеялся Махмуд. Боевики захохотали вместе с ним.

– Ну ничего, мозги тебе не понадобятся. Будешь хорошо делать то, чего тебе скажут, будешь живой – продолжил он.

– Что ты умеешь?

– Много чего – ответил Егор.

– Ладно, посмотрим.

– А это что за дохлятина? – ткнул он палкой в грудь раненного пленника. Зачем его притащили? Он на ногах не стоит. У меня не лазарет. Оставьте эту падаль себе или прирежьте.

– Он молодой, оклемается, – заступился за своего товарища другой пленник, и тут же получил внушительный удар, от которого свалился на землю.

– Вставай ишак, чего разлегся, будешь говорить когда тебе разрешат – потешались боевики, пиная упавшего пленника. Тот под градом ударов, все же сумел встать на ноги.

– Э, Махмуд, горячий болно, астын – сказал один из боевиков – за них выкуп можно палучить. У этой дохлятина мат, атец богатый, – коверкая русский язык, ткнул он пальцем в сторону раненого. Внутри Егора все кипело от негодования. Он еле сдержался, чтоб не показать своей закипающей злости. Сорвусь – все погибнут, понимал он, а мне надо жить и этим солдатам тоже. Он подвинулся ближе к молодому раненному солдату, как бы загоразивая его собой.

– Бери Махмуд, этот один стоит пятерых, а солдаты в придачу. Хочешь убей, хочешь съешь, – заметил рыжебородый Сахрутдин, все опять захохотали. – По барану за каждого дашь и мы в расчете. Махмуд что-то крикнул по-чеченски. Появился рослый угрюмый парень, он накинул Егору на шею веревочную петлю-удавку, такие же петли стянули шеи солдат, затем все веревки связал вместе и потянул пленников за собой. Удавка сдавила горло, заставляя убыстрять шаг. Раненный пленник не поспевал, задыхался. Егор помогал ему как мог, принимая на себя удары плети конвоира. Другой пленник матерясь сквозь зубы, обещал при случае расплатиться за все с лихвой со своими рабовладельцами. Конвоир охаживал и его плетью. Мальчик подросток бежал впереди этой средневековой процессии и что-то гортанно выкрикивал.

Из дворов выходили женщины, дети. Мальчишки кидали камни, норовя попасть пленникам в головы. Одна из женщин подбежала к Егору и плюнула, целясь ему в лицо. Егор отшатнулся. – За что? Я этим людям не сделал ничего плохого. Они так ненавидят русских, что готовы разорвать каждого на куски. Пройдя половину улицы, угрюмый свернул в кривой переулок, в конце которого остановил процессию. Там прямо в земле за железными решетками зияли ямы. Пленников одного за другим спустили в яму и заперли решетку на замок.

Глава 6

– Ну, давайте знакомиться – обратился Егор к своим невольным товарищам. – Я Егор Романов из под Тулы.

– Я Макс, а это Толян – представился товарищ раненного. Мы оба москвичи, срочники. Нас из «учебки» сразу на Кавказ отправили. В первом же бою в плен попали. Да и боя-то не было. Окружили внезапно и перестреляли всех. Мы и опомниться не успели. Я бы ушел, да Толяна подстрелили, вот мы и подзадержались. Они хотели убить нас, но я сказал, что родители наши очень богатые, дадут за нас большой выкуп.

– Что, правда богатые? – спросил Егор.

– Да нет, обычные, середнячки. Я соврал, раненного Толяна прикончили бы, для работы он не годится.

В яме стоял затхлый воздух, насыщенный испражнениями. Сколько здесь перебивало пленников до них, неизвестно. Узники здесь ели, спали и справляли нужду. Привалившись спиной к стене ямы, бледный Толян дышал часто и со свистом. Похоже легкое задето – предположил Егор.

– А что будете делать, когда поймут, что за вас не заплатят? – спросил он у Макса.

– А до того времени, что-нибудь изменится. Может сбежать удастся. Толян бы окреп, тогда и его бы на работу пристроили, а там, глядишь, что-нибудь придумали бы.

– А ты сам-то чего перед этими суками расстилаешься? Я так понял ты не из призывников? – предположил Макс.

– Отслужил я пять лет тому назад. Брат мой здесь пропал. Может быть вот так же, как мы, в яме томится, а может погиб. Искать приехал – ответил со вздохом Егор, может что слышали? Романов Борис его зовут.

– Нет – отрицательно мотнул головой Макс. Мы ведь только прибыли, а он видать раньше нас здесь оказался.

– Пить – протонал Толян.

– Потерпи друг, ведь должны же они нас поить и кормить, если рассчитывают на выкуп, – предположил Макс. – За мертвяков-то ничего не получают. Поздно вечером, когда уже сумерки пригасили синеву клочка неба, видневшегося сквозь решетку, сверху послышался шорох, решетка откинулась и вниз на веревке опустилась корзинка с кувшином воды и черствой мучной лепешкой. Егор взял кувшин и лепешку и крикнул голове, которая виднелась в просвете их тюремного колодца:

– будьте людьми, принесите хоть какие-нибудь лекарства для раненного и воды побольше, худо ему, умрет, денег не получите! Голова ничего не ответила. Решетка встала на место, щелкнул замок. Егор разделил лепешку на три части, отпил немного воды и передавая кувшин Макс, предупредил: – не пейте всю, оставьте воды раны омыть. Он обследовал свою рану, кровь не сочилась, подсохла коркой. Заживает, как на собаке – отметил он. Оторвал кусок от своей рубашки, смочил водой и приложил к воспаленному плечу. Кровяная короста постепенно размякла, немножко полегчало. – Ты Толяну рану омой. Кровь отмочи, стягивать кожу не станет. На вот остатки рубашки – поучал Егор Макса, и много не пои, давай по глотку.

Всю ночь Толян метался в бреду: то кричал что-то несурзкое, то звал маму. К утру, когда алый отблеск зари окрасил решетку темницы, он стих, вроде как уснул. Егор, не спавший уже пару ночей, задремал. Очнулся он от окрика: – Эй, ты здоровый, давай сюда! Сверху в яму спустилась лестница. Вчерашний конвоир указал пальцем на Егора: – ты, вылезай. Егор поднялся по спущенной лестнице наверх. Свежий воздух хлынувший в легкие, вытесняя смрад ямы, буквально опьянил его. Стражник связал ему руки за спиной и, толкнув в спину, повел его обратно в тот дом, куда их привезли вчера. Там стражник о чем-то поговорил по-чеченски с женщиной, вышедшей из дома. Та, жестикулируя руками, давала наставления громко, повелительно. Стражник послушно кивал ей в ответ. Егора провели за дом, где располагались строения для скота. Стражник развязал ему руки, показал на вилы и лопаты в углу сарая и приказал: – хорошо убирай. Не понравится хозяйке, палку об тебя обломаю. Сам, обняв ружье, присел на низкую каменную кладку хозяйственной ограды, уставившись зло на пленника выпуклыми черными глазами. Егор взял вилы, взвесил в руке и подумал: подходящее оружие, не ребята бы, показал бы я этому вояке «куськину мать». Но, тяжело вздохнул и приступил к работе. До обеда он трудился не покладая рук. Вычистил от навоза все помещения для скота и подмел весь хозяйственный двор. Потом появилась все та же женщина, что-то прокричала стражнику. Он махнул Егору рукой. Егор аккуратно поставил на место метлу и вилы и пошел за стражником. У ворот стояли жигули с откинутым капотом. Молодой парень с жидкой бородкой на прыщавом лице копался в моторе. Рядом стоял сам хозяин Махмуд.

– Ты машину починить можешь? – обратился Махмуд к подошедшему Егору.

– Я трактор чинил, комбайн. А автомобиль не приходилось – ответил Егор.

– Э, какая разница, железка все равно железка. Давай смотри – приказал он. – Отойди Саид, – сказал он прыщавому, – дай русскому посмотреть. Мне сказали что он мастер на все руки. Вот и посмотрим какой он мастер. Егор снял куртку, закатал рукава свитера и принялся обследовать мотор. Машина была старая, в запущенном состоянии. Под капотом разве что мышцы не водились. Егор попросил тряпку и воды, тщательно прочистил все закоулки двигателя, проверил все контакты и проводки, но машина не заводилась. Он еще раз проверил контакты и нашел неполадку. После очередной пробы двигатель неуверенно, будто захлебываясь, все таки заурчал. – Масло надо поменять и аккумулятор на исходе – сказал он Саиду, наблюдавшему за ним все время, пока Егор работал.

Между тем уже вечерело. Подошел Махмуд, осмотрел машину, вычищенную Егором и внутри, и снаружи, посмотрел оценивающе на Егора и пробурчал: – ладно, отдыхай сегодня. Подошел охранник, сунул Егору лепешку и кувшин воды.

– Пошли – приказал он Егору. Но Егор обратился к Махмуду:

– Хозяин, нам бы воды побольше да лекарства для раненого. Ты ведь хочешь получить за него выкуп. Он умрет, если ему не помочь. Потеряешь пленника, потеряешь деньги. Много денег, его отец очень богатый человек – вдохновенно врал Егор, играя на жадности Махмуда.

– Откуда я тебе лекарства возьму? Сами лечимся чем придется. Пусть его отец поспешит с выкупом, если хочет своего щенка живым увидеть! – рявкнул Махмуд.

– Ну хоть пузырек перекиси водорода или спирта, или водки – продолжил Егор, рискуя навлечь на себя гнев хозяина. Но Махмуд сказал что-то Саиду и тот пошел в дом. Вернулся он с пузырьком перекиси и бегущей вслед за ним женщиной, которая громко ругала его, размахивая руками. Махмуд цыкнул на нее. Женщина сбавила прыть, но все еще продолжала возмущаться.

– Ну и семейка – подумал Егор – за копейку удавятся. Он сунул пузырек в карман куртки, подхватил кувшин с водой и покорно зашагал к своей тюрьме. Когда стражник закрыл решетку зиндана, Егор внимательно обследовал рану Толяна.

– У него пуля прямо под кожей – сказал он, почти насквозь прошла. Можно вытащить, если бы нож был.

– Есть у меня ножик, подал голос Макс, только перочинный.

– Сойдет – сказал Егор. Макс вытащил из заднего кармана брюк маленький перочинный нож, нажал на кнопочку и лезвие автоматически выскочило из рукояти.

– Это мне отец еще в десятом классе подарил – улыбнулся он.

– Тебя что, не обыскали? – удивился Егор.

– Они набросились на нас кучей. Я оказался на спине. Все что было в карманах куртки и брюк, все вышарили, а перевернуть меня не сообразили, – усмехнулся Макс. Но с перочинным ножом много не навоюешь. Егор взял ножичек, попробовал пальцем остроту лезвия. – Да, надо бы наточить немного. Они оба с Максом принялись шарить в сумерках темницы, в поисках хоть какого-нибудь камешка. Камешек был найден и Егор тщательно наточил ножик. – Давай Макс подлечим немного твоего друга. Переворачивай его на живот, пулю доставать будем. Держи его за плечи, чтоб не дергался. Оторвав очередной лоскуток ткани от своей основательно истерзанной рубахи, Егор смочил его перекисью из пузырька, обтер ножик и кожу Толяна в районе раны.

– Терпи Толян – сказал Егор и решительно рассек багровый воспаленный абцес. Толян мучительно громко застонал. Не обращая внимания на стоны, Егор выдавил гной, а с ним и пулю. Полил перекисью рану, отчего жидкость запузырилась, зашипела, закипела. После того, как перекись перестала пузыриться, прикрыл рану лоскутом ткани. – Вот теперь пойдет на поправку. Должен пойти, словно убеждая себя, добавил он. – Теперь и перекусить можно. Напоив больного и устроив его поудобнее, Егор с Максом, разделив лепешку, принялись за еду.

– Ну чего там? – еще не прожевав свой кусок, нетерпеливо любопытствовал Макс. Про наших ничего не слышно?

– Нет – ответил Егор. Тихо, будто и войны нет.

– А тебя зачем звали?

– Работать – кратко ответил Егор.

– А что заставили делать?

– За скотом прибрать, машину починить.

– Починил?

– Починил.

– А что, собралалка не сработала удрать на этой машине? – съязвил Макс.

– Я под надзором работал, да если б я удрал, вам бы уж точно не поздоровилось, а так глядишь Толяну на лекарство заработал.

– А я бы точно драпанул, а там будь что будет – вздохнул Макс.

– Что, и друга бросил бы?

– Да нет – замялся Макс. После некоторого молчания, он обратился к Егору, которого уже клонило ко сну:

– Попроси завтра за меня, пусть тоже на работу выведут, а то дышать здесь нечем.

– Не попрошу – ответил Егор.

– Почему?

– Удерешь еще, а нам с Толяном за тебя башки отрежут.

– Да нет друг, ты неправ. Я Толяна не брошу. Просто осмотрюсь, воздухом свежим подышу. А что я тебе на счет побега сказал, так, просто потрепался немного.

– Ладно – миролюбиво пообещал Егор засыпая, – попрошу. На следующее утро, когда охранник пришел за ним, Егор высказал ему просьбу Макса. Тот кивнул головой и что-то пробурчал по-своему. В этот день Егор правил забор на хозяйственном дворе. Охранник, пригревшись на солнышке, вроде как даже вздремнул, видя что Егор усердно трудится. Из расслабленного состояния его вывела все та же сварливая женщина, что вчера кричала на него за пузырек с перекисью.

– Спишь ишак! Я Махмуду скажу как ты охраняешь русского.

– Э, женщина, не кричи так громко. От тебя оглохнуть можно – огрызнулся охранник, – русский хороший работник, правильно работает.

– Правильно работает! – не сбавляя напора прокричала женщина – пусть котлы почистит!

– Сама почисти, у него есть другая работа. Махмуд сказал забор починить. Во время перебранки подошел еще чеченец средних лет, высокий, в меховой шапке.

– Эй, Хава, Махмуд когда будет? – спросил он у женщины.

– К обеду вернется. А что ты хочешь? – поинтересовалась женщина.

– Не твое дело. Это мужской разговор – отрезал подошедший. Сел рядом с охранником на скамейку и уставился на Егора. Уловив его острый, пристальный взгляд, Егор отметил: – на коршуна похож, глаза пронзительные, нос крючком, лицо узкое, сухое. Разговаривая с охранником, он резко взмахивал руками, словно крыльями. – Ну точно коршун, только что не взлетит – внутренне усмехнулся Егор. Вскоре на дворе появился Махмуд. Пришедший, перейдя на чеченский, о чем-то долго рядился с ним. Наконец Махмуд согласился, «коршун» отсчитал несколько ассигнаций, отдал Махмуду и они пожали друг другу руки. Егор, как и в первый день, трудился без отдыха до сумерек. Прежде чем уйти в свою темницу, он напомнил охраннику о просьбе Макса.

Толян этой ночью не кричал, не метался, затих. Егор обеспокоенно притронулся к его лбу – температура спала. Егор прислушался – дышит. Ну, значит на поправку пошел – облегченно вздохнул он.

– Ну что, живой? – спросил его Макс.

– Живой, спит – отозвался Егор.

– Вот и ладненько, чуть окрепнет и дадим деру – повеселел Макс. Утром наверх пригласили и Макса. Очнувшийся Толян с тревогой смотрел на них.

– Не бойся – успокоил его Макс. Мы до вечера. В кувшине вода и вот кусок лепешки. Поешь и спи. Егор отметил про себя, что ведут их не на двор Махмуда, а на другой конец села. Когда они очутились за воротами, Егор увидел вчерашнего «коршуна». – Сволочь Махмуд, вчера это он нас продавал – понял он. Мы для них что скотина, рабы. Двадцатый век. Я представить даже не мог, что стану рабом. И у кого? У этих малограмотных, а порой и вовсе невежественных горцев, живущих по архаичным законам. Горячая волна крови прилила к его лицу. Остынь – приказал он себе. Так надо до поры. А когда эта пора придет Егор не знал. Он ждал Аслана, ведь тот обещал найти его. Аслан знает куда нас увезли. Он придет – верил Егор. До обеда они с Максом таскали тяжелые камни, для постройки, со склона горы во двор «коршуна». Макс, задыхаясь, присел отдохнуть на минуту и тут же получил удар палкой по спине, затем посыпались пинки и ругань.

– Вставай баран, работать! – кричал охранник, продолжая колошматить палкой Макса. Другой охранник равнодушно наблюдал со стороны за этой сценой.

– Не бей, он будет работать – заступился за Макса Егор и тоже получил между лопаток.

– Изобьешь нас мы совсем не сможем работать, а за нас еще деньги можно получить – не унимался он, уворачиваясь от ударов.

– Оставь их, изуродуешь, Гасан разозлится – заметил другой охранник. Егор с Максом приступили к работе.

– Ты поменьше бери камни – тихо поучал Макса Егор.

– Я убью эту суку. Сейчас вот выберу поострей камень и шарахну по башке – зло выдавил из себя Макс, – а ты другого на себя бери, справимся.

– Справимся, только ты забыл про Толяна. Место где мы работаем, просматривается со всего села. Нас настигнут через десять минут и поминай как звали. Потерпи, за нами придут.

– Кто придет? – насторожился Макс.

– Вечером расскажу – пообещал Егор. – А сейчас не зли их, побереги свои руки и ноги, чтобы не переломали. Они тебе еще понадобятся. Вечером Егор рассказал своим товарищам про Аслана.

– И ты ему веришь? Он же чеченец, такая же сволочь как все они – возмутился Макс. – Я то думал у тебя что посерьезней есть, а этот твой друг фуфло – кипятился он.

– Не надо всех одной меркой мерить. Мы были настоящими друзьями. В походах вместе спали, ели, пили из одной кружки, читали одни книги. Он стоял за меня горой, я за него. И если бы он не хотел мне помочь, то не подал бы надежду. А он сказал: я найду тебя. И он знает где мы.

– А ничего что он из автомата по нашим шмалает? – задал провокационный вопрос Макс.

– Можно стрелять и не попадать в цель – ответил ему на вопрос Егор.

– Не верю я твоему чеченцу – упрямо повторил Макс.

– Можешь не верить, но потерпи несколько дней, не провоцируй наших конвоиров. А ты Толян не шустри. Полегчало и хорошо. Притворись тяжело больным, что бы и тебя в работу не запрягли. Ешь, отсыпайся, набирайся сил – по отечески наставлял Егор раненного.

– А где ты со своим чеченцем так сдружился? – поинтересовался Макс.

– Я здесь служил на Кавказе вместе с ним в одной роте. Он привел меня в свой дом, познакомил со своей семьей. Они хорошие люди. Ладно, давайте спать, завтра на работу – добавил он.

Через три дня каторжной работы «коршун» Гасан вернул их Махмуду.

– Он гнида сдает нас за деньги в аренду – возмутился Макс. Но не успел он снова открыть рот для очередного проклятия, явился Махмуд и спросил в упор Макса:

– Почему ваши родители не отвечают на письмо и не спешат с выкупом?

– Так рано еще, пока письмо дойдет туда, пока обратно, война ведь, может письмо задержалось – предположил Макс.

– Война, не война, если через неделю не получу выкупа, прирежу как баранов – пригрозил он. И невдомек было Махмуду, что адрес Макс назвал ложный. Он не хотел расстраивать родителей. Какнибудь выберемся, надеялся он. В двадцать лет еще верится в чудеса и в свое бессмертие. На следующее утро, когда охрана доставила Егора и Макса на двор дома Махмуда, к дому подъехала машина. Изрыгнув клуб дыма, остановилась у ворот. Охранник впустил молодого рослого чеченца в черной бурке накинутой на плечи и глубоко надвинутой по самые брови, мохнатой шапке. Егор взглянул на приезжего и вздрогнул. Он узнал Аслана.

– Салам алейкум хозяин – поприветствовал Аслан вышедшего навстречу ему Махмуда. Махмуд ответил на приветствие и спросил, что привело молодого джигита в его дом. Аслан, разведя руки в стороны, заговорил:

– Уважаемый, я молодой, сильный, красивый надумал жениться.

– Но у меня нет для тебя невесты. Все женщины в моем доме старые, не годятся тебе в жены – удивился Махмуд.

– Дай мне договорить – парировал Аслан. – Не за невестой я приехал к тебе. Чтобы привести невесту в дом, надо его построить. А я слышал у тебя работник толковый есть, все может. Одолжи мне его, я хорошо заплачу. Потом верну живого и здорового.

– Дом построить много времени надо, а этот работник мне самому нужен – сказал Махмуд, а глаза его уже жадно шарили по тугой пачке денег, которую Аслан вынул из под бурки.

– Да дом -то у меня есть, его подправить только немного надо. Недели за две управится – уговаривал Аслан Махмуда, не пряча денег. – Нехорошо невесту в плохой дом приводить, жизнь несладкая будет – продолжал уламывать он Махмуда. Тот тяжело вздохнул. Ему и денег хотелось, и ценного работника жаль отпускать.

– Если твой работник постареется, я тебе стадо баранов дополнительно подгоню, – добавил Аслан. И патологическая жадность перевесила.

– Ладно, на две недели только, а потом верни, хватая деньги, согласился он.

– Эй, махнул Аслан рукой Егору, поехали! Мне ждать некогда, невеста постареет. Егор послушно подошел к Аслану и тихо сказал:

– Без ребят не поеду.

– Садись в машину, а там придумаем что-нибудь, подтолкнул грубо Аслан Егора. Егор сел и машина сорвалась с места, обдав Махмуда облаком дыма. Тот кричал что-то в след и плевал себе под ноги.

– Ай-я-яй! Я старый дурак, расслышал Макс – не спросил где этот жених живет, расстраивался Махмуд. – Чего пялишь глаза, – обрушился он на Макса. – иди, работай! А ты чего столбом встал! – заорал он на охранника. Охранник в свою очередь сорвался на пленника:

– Пошел грязная свинья!

– Сам ты свинья, морда черномазая – мысленно огрызнулся Макс. – Эх, Егор, предал, шкуру свою спасает. А еще мне мораль толкал – о друге думай, а сам, как только представился случай, так сразу про нас забыл.

Глава 7

Вечером после работы, Макс вернулся в зиндан один.

– Все Толян, осиротели мы с тобой. Неделя жизни у нас осталась. Думать надо как выбираться отсюда. Ты идти сможешь? – спросил он у Толяна.

– Смогу, я днем ноги разминал. Ничего, держат – отозвался Толян.

– Утром стражник за мной придет, я его придушу, – выдал из себя Макс.

– А Егор где? – поинтересовался Толян.

– Я так понял, за Егором его дружок приехал и выкупил. Уж больно охотно он в машину прыгнул.

– Повезло ему – вздохнул Толян.

– Не дрейфь Толян, нам тоже повезет. Давай спать. Завтра я этого черномазого все равно прикокну. Не успел он уснуть, как наверху послышалась возня, короткий сдавленный вскрик. Загремела и отодвинулась решетка, вниз спустилась лестница.

– Макс – услышал он голос Егора – поднимайтесь. Сперва Толян, потом ты. Пленники вскочили вне себя от возбуждения. Егор помог выбраться пленникам. Наверху царил непроглядная темень. Но даже в темноте пленники разглядели смутную фигуру второго человека.

– Это Аслан, прошептал Егор. Давай Макс помоги, охранника скинем в яму и решетку прикроем, не сразу обнаружат.

– С удовольствием, – отозвался Макс. – Я эту гниду утром собирался придушить. У, сволочь, – остервенело пнул он охранника.

– Оставь его Макс, он мертвый – оттолкнул его Егор.

– Жаль что не я, у меня руки зудели на эту падаль за все его пинки и оскорбления.

– Пошли – шепнул Егор. И пленники друг за другом скрылись в ночной мгле. Когда рассвет едва тронул край небосвода, машина с беглецами съехала с проезжей дороги на едва заметную лесную заросшую колею. Пропетляв еще с полчаса между гор и зарослей, машина остановилась. По узкой горной тропе беглецы поднялись к маленькой халупе, прилепившейся к скале. Путников встретили две большие лохматые собаки. Они хрипло облаяли гостей, но Аслан окликнул их по именам, и собаки, виляя хвостами, бросились его облизывать. Из халупы вышел старик с посохом.

– Отец, обратился к нему Аслан, пусть эти ребята несколько дней побудут у тебя. Если я не вернусь через неделю, проведи их через перевал твоей тропой. Там за перевалом русский гарнизон. Отец, помоги им, это мои друзья.

– Спасибо Аслан, – поблагодарил его Егор, крепко обняв друга, – и прости, я было усомнился в тебе, но я не вернусь домой, пока не отыщу брата.

– Егор, может случиться так, что я не смогу больше тебе помочь, я каждый день хожу по краю пропасти – ответил Аслан.

– А почему бы тебе с нами не двинуть к русским? – спросил его Егор.

– Дело у меня есть здесь. Не спрашивай какое. Старик надежный, не выдаст. Он мой близкий родственник. Сделает все, как надо. Ну, прощай! Аслан крепко обнял Егора, пожал руки Максиму и Толяну, спустился обратно к машине и уехал.

– Заходите ребята, гостеприимно пригласил старик беглецов в свою бедную халупу. – Поешьте, отдохните. Сюда редко кто забредает. Я пасу здесь овец. Старик достал с полки лепешки пшеничные, завернутые в полотенце, кусок овечьего сыра, поставил перед беглецами кувшин молока. – Позже барана зарежу, мясо будет. Поправляйтесь. Я вижу отощали вы – добавил он. Ешьте, а я пойду снаружи посижу. Ребята накинулись на еду. Поев, Егор вышел к старику. Тот сидел привалившись спиной к стене халупы и смотрел задумчиво вдаль. Собаки, лежавшие у его ног, поднялись было, но старик прикрикнул на них и они снова улеглись.

– Отец, мы не спали ночь, где бы нам прилечь? – спросил Егор у него.

– А вон полезайте под крышу, там сено и не намокнет. Тучи собираются, дождь будет – уверенно изрек старик. Сомлевшие после сытной еды, беглецы забрались по приставной лестнице на чердак с сеном и тут же уснули. Первые редкие, тяжелые капли упали на землю и вскоре дождь частой дробью забарабанил по крыше халупы, но беглецы уже ничего не слышали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.